

Анатолий Агарков

*Рахит.
Шесть-седьмой*

Электронная версия

Рахит

*В двадцать лет силы нет – её и не будет.
/народная мудрость/*

Человек рождается маленьким, беспомощным, беззащитным, но с невероятной жаждой жизни и удивительными способностями выживать в любой среде – будь то волчье логово или королевские чертоги. Только в каменных замках растут принцы, а в земляных норах – маугли.

Появился я на свет здоровяком. Из всей палаты – что весом, что ростом – матери на радость, другим роженицам на зависть. Но вот беда – не пошло мне впрок родное молоко. То ли патриотизм во мне начисто отсутствовал и впитываться не хотел, то ли ещё какая причина, только мотал я головой, избегая нацеленного в рот соска, и верещал, истошно, не согласный с голодной кончиной. То же, что ухитрялась впихнуть в меня мама, неблагодарно срыгивал.

На счастье моё случилось в палате мёртворождение. Горевала несчастная очень, и муж её дома – запил, забирать не хотел жену-неудачницу. Просила она, глядя на наше родственное противостояние:

- Нюр, ну, дай покормить.

В её руках я мигом успокаивался - набивал брюшко контрабандой и неблагодарный засыпал. Молочная моя мама плакала, а родная злилась. Возмездие ждало дома. Так и не привыкнув к родному молоку, выживал на сладенькой водичке и жёваном хлебе. Вопил дни и ночи напролёт, голос потерял, а потом слабость стал.

Однажды отчаявшись, отложила меня в сторону мама и сказала:

- Не жилец.

Застонал глухо отец, скрипнув зубами. Сестра смотрела на меня с деловым интересом, будто гробик примеряя. Но Всевышний рассудил по-своему.

Заглянула к нам врачиха участковая и всплеснула руками:

- Да у него ж рахит развивается! Что ж вы, мамаша, ребёнка губите? Ну-ка, бегом к нам.

Вернулись мы в палату, из которой месяц назад выписались, и пошёл я по рукам - ел от брюха, пицать перестал, поправляться начал.

- Большой любитель чужого добра растёт, - смеялись женщины.

А мама на своём:

- Троих вскормила. Что ж этот как подкидыш?

Врачи:

- Бывает. Несовместимость.

Мама моя человек упёртый, ей врачёвы домыслы по барабану. И что было бы со мной, не явись на выписку за нами отец, одному Всевышнему известно. Но он прибыл и строго из-под сдвинутых бровей глянул на жену, услышав диагноз.

- Коровка есть? – напутствовали врачи. – Вот и кормите малыша. Кашки варите, творожок. И везде, везде рыбий жир добавляйте..... Слышите? Рыбий жир спасёт вашего потомка.

Я притих в кулёчке одеяла, чуя кульминацию недолгой жизни.

Отец взял меня на руки и с тех пор не выпускал до самой своей кончины – не в буквальном, конечно, смысле.

Вот с такими мироощущениями и вошёл я в сознательную жизнь:

- с болезненной, порой доходящей до абсурда любовью и опекой отца;

- с незаметной, практически не проявляющейся, однако подспудно всегда присутствующей неприязнью матери;

- с презрением старшей сестры – «рахитик!»

- с тошнотворным вкусом и запахом рыбьего жира.

Шесть-седьмой

История души человеческой, хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа, особенно когда она - следствие наблюдений ума зрелого над самим собою и когда она писана без тщеславного желания возбудить участие или удивление.
(М.Ю. Лермонтов)

1

С вечера стоял морозный туманец, и все деревья за ночь густо оделись в белый наряд. Заворожённое, волшебное царство! В первые, утренние, досолнечные ещё часы он держался крепко. Разве что стайка снегирей (красногрудых на белых сахарных ветках) стряхнёт немного инея, и крупные, но очень лёгкие, невесомые почти, кристаллы кружились в воздухе, текли вниз, переливаясь, играя бликами. Но позже, когда светило поднялось выше и стало немножечко, по-декабрьски пригревать, он начал сам по себе осыпаться, и вскоре весь чистый, прозрачный, подзолоченный лучами и подголубленный небесами воздух наполнился мерцающей, как пух лебяжий, неподвластной законам земного тяготения, снежной пылью.

Не правда ли, грешно сидеть дома в такое утро. Радостями, которые преподносит жизнь, следует дорожить, решил я и, потеплее одевшись, вышел на улицу. Воздух звенел не только воробьиным гомоном - в соседском огороде вопили мальчишки, играя в войну. Юрок Куровский догнал Вовку Грицай, свалил в сугроб, оседлал.

- Ага, попался! Жизнь или смерть?

- Ой, жизнь! – тяжело дыша то ли от бега, то ли от смеха, взмолился Вовка. – Ой, больше не буду.

- Хватит вам дурачиться! – крикнул я им сквозь щель в заборе. – Посмотрите, какие снегири прилетели.

Заказать
полную
версию
произведения
МОЖНО здесь

http://anagarkov.ru/zakaz_form.php